

Наталия Кравченко

Собачья жизнь

Саратов

"Надежда"

1999

ББК 84
P7-5 K77

K77 Кравченко Н. М.
Собачья жизнь. Рассказы. — Саратов:
"Надежда",—1999.—96 с.
ISBN 5-93073-001-6

Желая обругать свою жизнь, мы называем ее "собачьей", невольно признавая тот факт, как плохо четвероногому в нашем густопсовом жестокосердном мире. Эти непридуманные драматические истории о судьбах бездомных собак, рассказанные Наталией Кравченко — автором шести книг стихов и прозы, — не оставят равнодушными ни детей, ни взрослых.

ISBN
5-93073-001-6

ББК 84 P7-5 ©

Н. М. Кравченко

*И печальна так, и хороша
Темная звериная душа.*

Осип Мандельштам

*Мы в ответе за тех, кого мы
приручили.*

Антуан де Сент-Экзюпери

Милый пёсик, черный носик...

В школе разучивали песню на мои стихи о "милом пёсике". Так, не стихи стишок, который выговорился когда-то сам собой в процессе общения с дворовым любимцем еще в подростковом возрасте. Я даже не хотела включать его в книжку — считала несерьезным. Но стишок неожиданно для меня получил большой резонанс. Его облюбовал один местный композитор, который вёл музыкальный кружок при городском Детском парке, где и объявил конкурс на лучшую песню на него, и мальчика-победителя выдвинули с этим номером на городской конкурс.

В тот день в актовом зале шла репетиция. Юный солист (он же автор мелодии) забавно картавил в микрофон, а детский хор первоклашек старательно ему подпевал. Меня пригласили на эту репетицию-разучивание с тем, чтобы я выступила с рассказом о "предыстории» написания своего "произведения". Никакой предыстории, конечно, не было - экспромт в чистом виде, и я поначалу хотела отказаться, но потом подумала, что это удобный повод поговорить с детьми о животных, пока они в том возрасте, когда чувства ещё не огрубели

и обострённо воспринимают боль живого существа.

Тогда такого разговора не получилось: нервозность обстановки готовящейся к смотру школы, суетливость учителей, строгость и придирчивость проверяющих из гороно заморозили мой душевный порыв. И потом эта невысказанность еще долго стояла у горла. В конце концов, как это часто бывает, она выплеснулась на бумагу. Так родились эти записки-воспоминания.

Мне кажется, что это нужно не только мне. Может быть, у кого-то, кто прочтет эти непридуманные собачьи истории, что-то дрогнет в душе, и он пожалеет о каких-то своих жестоких или предательских поступках по отношению к бесхитрым бессловесным созданиям и осознает это как тяжкий грех...

Очень хочется верить в это.

Тобик и Грэй

Может быть, я выскажу спорную и парадоксальную мысль, но мне давно кажется, что мир животных намного человечнее нашего мира хомо сапиенсов. Особенно сейчас, в пору неокapитализма, когда людей учат жить по принципу "человек человеку волк". Мы всё больше скатываемся на пещерный уровень. А животные помогают своим теплом очеловечить

нашу густопсовую жизнь, не озвереть в ней окончательно. «И печальна так, и хороша темная звериная душа».

В моем втором сборнике стихов есть раздел "Звериное тепло", куда вошли стихи о животных. Собаки, которых я там упоминаю - Тобик, Грэй, пёс с помойки — это всё реальные псы, они жили в нашем дворе. К сожалению, жили, потому что сейчас их уже нет в живых.

Тобик умер прошлой зимой. У него была печальная судьба. Он жил в частном доме. Его хозяйка, старушка, умерла, в дом въехали новые жильцы. У них была породистая собака, а Тобика, как безродного, выставили на улицу. Он стал сыном двора. Дети окрестили его Тузиком, но я его помнила по прежнему имени и одна звала так, как когда-то старушка: «Тобик». Казалось, он был благодарен мне за это.

У него были умные, даже какие-то мудрые глаза много пережившего в жизни человека. Если я встречала его на дороге с пустыми руками, не имея, чем угостить, он смотрел так скорбно и всепонимающе, с таким молчаливым укором, что мне делалось не по себе, и я в другой раз специально делала крюк, чтобы только не встречаться с этим сиротским выскочившим взглядом.

Ел Тобик очень обстоятельно,

исключительно все подряд, тщательно вылизывая до блеска миску, напоминая мне этим крестьянского хозяйственного мужичка, у которого ни одна крошка даром не пропадает. Был он очень старенький, глуховатый и хромой на одну лапу. Эта глухота и хромота его и подвели, когда он не заметил вовремя машину, сшибшую его. Соседские старушки отнесли Тобика к помойке, где тот в страшных мучениях и умер. Я об этом узнала только потом, заметив, что давно его не встречаю на дороге.

У Тобика остался сын Грэй, перед которым я чувствовала вину и ответственность. Грэй сначала был маленьким и очень робким зверьком. Потом слегка подрос, освоился во дворе и стал всеобщим любимцем. Днем с ним играли дети, а на ночь кто-нибудь пускал к себе в общий коридор. Потом я оборудовала ему местечко на нашей лестничной площадке, где он и спал. Там у него была подстилка и чашка с водой.

Когда я выходила к нему, чтобы покормить, Грэй радостно бросался мне навстречу, прыгал, норовя лизнуть в лицо, валился на пол, доверчиво подставляя брюшко — почесать, не знал, как выразить свою любовь и ласку. Это был необыкновенно ласковый и доверчивый пёсик, он шел ко всем с открытой душой, ожидая от мира только добра.

Я не могла взять его к себе, потому что

Денди был очень ревнив и не допускал ко мне посторонних собак на пушечный выстрел. Когда мы с ним выходили гулять, Грэй шёл за нами на несколько шагов позади, чтобы не раздражать Денди. Он понимал, что тот родная собака, а он, Грэй, всё-таки как бы бедный родственник. Но не обижался, потому что был очень добрый и деликатный. А когда я шла одна, без Денди, Грэй подбегал ко мне, виляя хвостиком, и, ласкаясь, ждал, чтобы его приласкали. Ему не так даже важна была еда, как ласка и доброе слово. Мне кажется, я уже никогда не встречу такой удивительной собаки, каким был Грэй.

Собаки — они ведь все очень разные, как люди. Со своими особенностями, привычками, характером. Иногда я думаю, что если бы собаку можно было превратить в человека, как у Булгакова, — каким бы человеком она стала? Наш Денди, например, был бы типичным Шариковым: хулиган, задира, драчун, скандалист, обжора, лентяй, эгоист и бабник. За что только я его люблю, не понимаю. А вот Грэй был бы прекрасным человеком: добрым, ласковым, тактичным и честным. Человеком долга. У него не было своего дома, его домом был двор. И этот двор он честно охранял: лаял на всех чужих, кто проходил мимо, и прогонял их. Так он понимал свой собачий долг. И хотя он ни

разу никого в своей жизни не укусил, ему за его беспокойный характер жестоко отомстили.

В наш подъезд въехала новая семья. Между прочим, бывшая учительница. Ее сын работал на мясокомбинате. Они затаили зло на Грэя, который якобы мешал своим лаем их детям спать. Они подослали к нему этих детей, те подманили Грэя — а он был очень доверчивым и не ждал от людей ничего плохого, поэтому, по своему обыкновению, виляя хвостиком, к ним подбежал — и швырнули пёсика в машину отца, который куда-то увёз Грэя. Как оказалось, навсегда. Соседки, сидевшие на лавочке и видевшие всю эту сцену, пытались вступить за дворового любимца, отнять Грэя, но мясник был сильнее.

Я, узнав об этом на другой день, быстро собрала дворовую общественность: учительницу местной школы — страстную любительницу и защитницу собак, представителя общества защиты животных, дававшего приют и корм всем окрестным кошкам, взяла своё журналистское удостоверение, и мы всем десантом двинулись в ненавистную квартиру с единственным вопросом: "Куда дели Грэя?!"

Бывшая учительница, как могла, увиливала и выгораживала сына. Сначала тот говорил, что увез Грэя на

мясокомбинат, и он якобы там теперь живет сытно, среди мяса, на свалке. Потом была выдвинута другая версия: Грзя увезли в Новоузенский район, к родственникам. Я потребовала адрес. Сказала, что только его навещу и успокоюсь, что он жив. Те пообещали дать на другой день, но так и не дали. Я попросила слесаря подпоить этого гада и выведать у него всю правду о судьбе собаки, но мясник, как назло, оказался непьющим. Я думаю, он просто его убил. Это подтвердил позже и слесарь, хорошо его знавший, когда я спросила, мог ли мясник убить Грзя.

— Мог, — не моргнув глазом, ответил тот. — Он недавно чуть человека не убил за то, что машину ему попортил.

Я не могла видеть жильцов этой квартиры, не могла с ними здороваться, при встрече отворачивалась. Их дети как ни в чём не бывало играли во дворе. Теперь им спать не мешало ничто. Даже совесть. Если они вообще знают, что это такое.

Вскоре подлая эта семья, к моему облегчению, переехала. Как будто приезжала в наш дом лишь для того, чтобы сделать свое чёрное дело. А мне этот пёсик до сих пор снится. Как сейчас вижу его бесхитростную острую мордочку, веселый торчащий хвостик, пальцы помнят тепло прикосновения серенькой шкурки... Я

думала, что никого так больше не полюблю, как Грзя. Но вскоре мне больно ранила сердце еще одна собачья судьба.

Тэдди

Я люблю, до страсти
люблю собак. Настолько
люблю, что в детстве
мечтала о стране собак,
где только собаки и ни
одного человека, а я —
собачья королева.

И. Одоевцева

Его звали Тэдди. Вернее, так называли его дети во дворе, а как его звали в прошлой жизни, при хозяине, того не знает никто. Никто не знал, каким ветром занесло Тэдди к нам во двор: то ли потерялся, то ли бросили. Но скитался он, видно, уже давно.

Я увидела его лежащим прямо посреди дороги. Все в душе перевернулось при виде того, как он лежал. Он словно хотел, чтобы его переехала машина, словно хотел свести счёты с жизнью, в которой был никому не нужен. Я никогда не видела, чтобы *так* лежали собаки: обречённо, безжизненно, мертво. Словно шкурка убитого зверька валялась на дороге.

Я подошла ближе: жив ли? Он даже не поднял головы. Уже никому не верил. Кажется, это был пудель. Но наверняка сказать было трудно: весь грязный, обросший, в репьях, колтунах, блохах, из уха тек зловонный гной. Я вынесла ему какой-то еды. Он доверчиво поел из рук и опять понуро поник головой. Сил не было смотреть на это. Если бы не Денди! Я бы взяла его, видит Бог. Но при Денди это было невысказано: он бы разорвал соперника на куски.

Я не могла ни есть, ни спать, думая о несчастном Тэдди. Утром вышла его покормить и увидела рядом с ним маленькую девочку лет шести. Она гладила Тэдди. Тут выбежал из соседнего подъезда громадный доберман и бросился на собаку. Девочка не испугалась, а обняла ее, закрыв своим телом. Я отогнала добермана и подошла к девочке.

— Тебя как зовут?

— Олеся.

Я сразу полюбила ее. Дарила ей конфеты, яблоки, книжки. Я была страшно благодарна Олесе за этот прекрасный жест: как она защищала собаку, заслонив ее собой. Он всё время стоял у меня перед глазами.

Однажды из подъезда вышла соседка и, увидев Олесю с Тэдди, строго сказала:

— Ты отойди от этой собаки, девочка, она больная.

— Не слушай тётю, зашептала я Олесе

в ухо, — она хорошая,

И стала демонстративно кормить и ласкать Тэдди.

— Да сколько тут таких бездомных! — воскликнула соседка. - - Разве всех накормишь? — И, махнув рукой, пошла, осуждающе качая головой.

Да, всех не накормить. Но этот трупик перевернул всё в душе. Я должна была его спасти! Единственная надежда была на девочку: может быть, домашние, увидев привязанность ребенка к псу, позволят ей взять его? Олеся гуляла с Тэдди, приводила его ко мне покормить. Я подарила ей ошейник, поводок. Но мама брат Тэдди насовсем ей не позволяла.

— Она говорит: у него ухо больное. Можно заразиться.

Я отправилась с Тэдди в собачью лечебницу. В трамвае от него шархались. Врач, бегло глянув на запущенного пса, брезгливо сказала:

— Остричь наголо. Волосы в ухе выстричь. Все обработать спиртом.

— И прописала ушные капли.

Потом сказала ассистенту:

— Спрысни. — Он что-то впрыснул Тэдди в оба уха.

— С Вас четырнадцать рублей.

Я мысленно похолодела. В прошлый раз за Денди вместе с уколом взяли всего три. Еле наскребла.

— Это вы что сделали? Вы уже ухо вылечили? — спросила я с надеждой, что хоть не зря заплатила.

— Нет. Ухо вам придется лечить самим. Это я просто микробы убил. ("Комет" и микробы убивает".)

— Сколько лет? — деловито спросил ассистент, открывая собачий журнал.

— Не знаю.

— Кобель?

— Кажется... Это не моя собака. Я просто хочу ее вылечить.

—Трудно вам придется. Придется потрудиться.

То есть раскошелиться — мысленно продолжила я. Тэдди доверчиво прижался к ноге. Я поняла, что бросить его не смогу и пойду до конца, чего бы мне это ни стоило. И в прямом, и в переносном смысле.

У Тэдди оказалось в довершение ко всему больное сердце. Ему прописали уколы сульфокамфокаина и кучу других лекарств. Я с жаром взялась за дело. Обработала ухо, промыла, закапывала по три раза в день. Вытащила из шерсти

все репы, обрезала колтуны, подстригла (наголо не решилась — как бы не замерз). Оля со второго этажа приходила его колоть, мы с Давидом держали.

Денди все это время сидел запертый в спальне и яростно выл, тараня дверь головой, чуя ненавистного врага в своих владениях. Тэдди кротко молчал, ни разу в ответ не гавкнув. За кормление он был мне благодарен, а за лечение и стрижку не любил, не понимая своей ПОЛЬЗЫ, а видя в том одни муки. Поэтому ко мне он испытывал нечто среднее между благодарностью и настороженной опаской, причем второе преобладало. Когда за Олесей закрывалась дверь, он рвался к ней, и никакие мои лакомства не могли его удержать. Но мне это было всё равно. Я любила его ради него самого. Пусть бы вообще меня не знал, только бы жил.

Я постоянно прислушивалась к голосам во дворе, и как только мне чудился писклявый фальцет Тэдьки - его то и дело кто-нибудь обижал, — пулей выбегала на его защиту. Дала объявлению во все газеты: *"Добрый, симпатичный пес живет у нас во дворе. Спасите собаку! Начнутся холода — она погибнет. У кого есть сердце — приютите!"* Но объявления публиковали не раньше, чем через месяц-полтора.

Теребила Олесю: "Ну что мама, берет пёсика? Смотри, ухо уже совсем здоровое, чистое". (Два флакона суфрадэкса на него извела.) Но капризная мама выдвигала новую причину: "Блохи",

Я опять отправилась в лечебницу и купила там за 10 рублей средство от блох. Развела в литре воды и натерла им Тэдди. Блох — как не бывало. Тэдди стали иногда пускать в дом. Но лишь на время. Я решила поговорить с родителями. Дома была бабушка.

— Так вы возьмете Тэдди? Девочка так к нему привязана. Я не могу, к сожалению, — у меня Денди.

— А у нас кот, — выдвинула контрдовод бабушка.

Я посмотрела на кота. Он мирно лежал рядом с Тэдди.

— По-моему, они прекрасно сосуществуют. У Тэдди такой добродушный характер. Он и мухи не обидит.

— Он у кота выпил всё молоко. И потом, Олеся скоро в школу пойдет, ей заниматься надо.

— Я дала объявление в газету. Если мне будут звонить — отдавать Тэдди? Девочка к нему привыкла, для нее это будет такая травма...

— Отдавайте.

Я ушла с тяжёлым сердцем. С балкона

видела, как Олеся с сестрой играли с Тэдди. Он ожил, поздоровел, радостно бегал за ними. Он уже почти поверил, что кому-то нужен. Вечером бабушка звала детей: "Олеся, Лена, домой!" Пёс хвостиком бежал следом. Но бабушка преграждала ему путь: "А Тэддик остаётся".

Тэддик провожал их до квартиры. Когда перед его носом захлопывалась дверь - раздавался вой на весь подъезд. Как же ему было обидно! Я бежала к нему на шестой этаж, схватив кусок колбасы, чтобы как-то утешить, отвлечь. Но тот и смотреть не хотел на еду. Душа пёсика рвалась к Олесе, которую он уже полюбил и признал своей хозяйкой. И всю ночь двор оглашал тоскливый вой Тэдди. Он изливал в нем своё одиночество и несбывшиеся надежды на тепло домашнего очага.

Света из соседнего подъезда соорудила ему во дворе шалашик. Рано утром мы с ней встречались, одновременно выходя кормить нашего подопечного. Однажды она расплакалась: "Я уже не могу видеть, как он лежит, пью валерьянку. Господи, ну что же его никто не возьмет!" Света тоже не могла взять Тэдди из-за своей собаки. Так и получалось: кто хотел взять — не мог. А кто мог — не хотел.

Как-то я шла с Денди. Навстречу мне —

Олеся с Тэддиком. Мы пошли гулять вчетвером. Олеся стала меня просить дать "поводить Дендика".

— Кто тебе из них больше нравится? — спросила я между прочим.

— Ваш, — ответила Олеся.

Я удивленно уставилась на нее.

— И ты бы поменялась со мной на Денди?

— Да. Он красивее, — пояснила девочка.

У меня внутренне опустились руки.

— Да разве в этом дело? Тэдди как человек лучше...

Нет, это не объяснить, этому не научить. Мне стало страшно за девочку. Она росла с предательством в душе.

В воскресенье утром раздался звонок в дверь. На пороге стояла веселая оживленная Олеся. Она держала на моем поводке курчавого чёрного пуделя.

— У меня теперь две собаки! смеялась она.

— Где ты его нашла? Это же явно хозяйский пёс. Посмотри, какой ухоженный. Отпусти его немедленно. Его, наверное, ищут.

— Это Чарли. Он будет жить у пас. Мама согласна.

— А как же Тэдди?

Олеся пожала плечами. Понятно. Этот красивее. Я лихорадочно искала какие-то

слова, аргументы.

— Олеся, ты читала стихотворение про мишку: "Все равно его не брошу..." Помнишь?

— Ну и что?

Я вспомнила: у меня в детстве была любимая кукла — негритянка. Она была страшная, чёрная, но я любила ее больше всех, потому что жалела. Может быть, под впечатлением только что прочитанной "Хижины дяди Тома". Я и назвала её под впечатлением от этого героя Томой. И когда мне купили новую дорогую, шикарную, заграничную куклу, я так и не смогла ее полюбить. Она сидела на комодике нетронутой и казалась мне какой-то чужой и холодной, как светская дама. Казалось, она во мне совсем не нуждалась. Свою негритянку Тому я не предала. А когда мне было четыре года, бабушка бросила в печь мою тряпичную куклу Катю. По той причине, что она была уже старая и грязная. Боже, какое это было горе для меня! Ведь она была для меня живая.

Олеся бы не плакала, подумала я. Она бы мигом утешилась новой — более красивой и престижной. Что же это за поколение растёт? Им незнакомы понятия "близкий", "родной", "любимый", а только — "красивый, модный, дорогой". А слово "больной" вызывает не жалость и желание вылечить, а безразличное

На другой день я повезла Тэдди в приют. В трамвае он увидел рядом маленькие сандалии какой-то девочки и рванул к ней что есть силы. Наверное подумал, что это Олеся. Обнюхал и разочарованно лёг снова. Он напрягался при виде каждой детской фигурки. Я его кормила, лечила, но сердце пса по-прежнему принадлежало ей. Собачьей королеве с ледяным сердцем.

"Прости, Тэдди, — думала я сквозь слезы. — Там тебя ждет собачья страна. Там тебя уже никто никогда не предаст".

Приют находился по адресу: "Второй Акмолинский проезд, 4". Меня вызвал туда проводить Сергей Клавдиевич из соседнего дома, страстный любитель кошек. Он не мог пройти мимо ни одного бездомного зверька (дома у него жило пятеро), каждый день кормил их и пачками отвозил в приют. Ездил туда, как на работу. Мало того, ежемесячно перечислял туда деньги из своей скудной пенсии.

Мы добирались очень долго. Сначала автобусом № 18 до конца, потом еще чем-то до конечной, потом долго шли пешком. Тэдди послушно шел рядом, веря, что ничего плохого ему не сделают. Вскоре нам стали встречаться на пути люди с собаками, кошками на руках. Все они шли оттуда, куда мы направлялись. Их там не приняли. Один парень спросил, кивнув на Тэдди: "В приют? Жалко собаку. Она у вас там сдохнет". У

ворот стояла машина, в которой сидели люди с боксером на поводке. Как оказалось, они ждали кого-нибудь из администрации, надеясь все же пристроить собаку.

Приют был практически пуст, если не считать его четвероногих обитателей. Нас встретила одна кухарка и сказала, что она никого принять не может, так как ни за что не отвечает. Правда, узнав Сергея Клавдиевича — их постоянного почётного гостя, — сказала, что в виде исключения примет нашу собаку и чтобы мы оставили его пока на кухне.

Женщина была, в общем-то, доброй и собак, видно, любила. Погладила Тэдика, наложила ему мисочку каши. Но я не могла решиться его вот так просто бросить, в кухне. Я считала, что его определяют в какую-то комнатку, регистрируют, выделяют ему свое место, я смогу убедиться, что за ним будут смотреть, заботиться. Привезла даже список лекарств, которые ему надо колоть, и еды, которую он любит. Какое там! Я поняла всю неуместность моих притязаний, когда увидела две огромные бадьи с салом, которое варилось для собак, источая отвратительный запах. Тэдди ни за что есть бы этого не стал.

Я попросила разрешения посмотреть комнатки, в которых содержались собаки. Мне дали заглянуть в глазок. Собаки лежали на голом полу, никаких ковриков и подстилок.

В нескольких местах было нагажено. Была теплая летняя погода, но никто с ними не гулял во дворе, вынуждая томиться в этих казематах. Сам дом напоминал трущобы Достоевского. В воздухе стоял непрерывный лай и вой. Я представила себе Тэдди в этих условиях и содрогнулась. Ведь он такой ласковый, домашний, привык к детям, к людям. Они его тут загрызут, эти злые собаки. Сергей Клавдиевич и кухарка уговаривали оставить Тэдди — "все равно он там на улице погибнет", но я не могла решиться. Тэдди что-то почувствовал и тревожно прижимался ко мне, словно просил не оставлять.

Вскоре появилась еще одна работница приюта. Сказала, что вообще-то отвечает только за кошек, но в виде исключения... Пообещала поместить Тэдди пока в своём кабинете. Мы прошли туда. У кабинета был, конечно, более обжитой вид, чем в собачьих конурках. Там уже копошилось несколько таких "блатных" обитателей. На полу несколько кошек облепили огромные кости и грызли их, урча от жадности. Один невероятно блохастый кот яростно чесался на диване. И еще какой-то пёсик выглядывал из коробки в шкафу, где он соорудил себе нечто вроде логова, чем-то хрустя в зубах. Тэдди приняла настороженно: лишняя рот. Мне всё меньше и меньше хотелось оставлять его тут.

Я не хочу осуждать работников этого

заведения, которые предпочли в этот теплый погожий день покопаться на даче, чем возиться с надоевшими собаками. Тем более, что Сергей Клавдиевич утверждал: такое на его памяти впервые. Обычно в приюте всегда кто-то есть. Он с жаром убеждал меня, как они самоотверженно здесь трудятся, выхаживают больных животных, лечат, стригут, кормят, и это практически бесплатно, в ужасных условиях. Но пусть всё это даже трижды так, Тэдди я оставить здесь не могла.

Я видела, что он здесь никому не нужен. Я знала, что он тут же кинется вслед за нами, а калитка во дворе открыта, а рядом проезжая часть. А если его запрут — он будет плакать и рваться ко мне. И все равно отсюда убежит, и заблудится, и одичает. А я ничего не буду знать: где он, как... Короче, я увезла Тэдди обратно.

Мой спутник всю дорогу упрекал меня за неблагоразумие: ведь я не могу предложить псу ничего лучшего, а там у него была бы хоть крыша над головой и кусок хлеба. Но ведь не хлебом единым...

Тэдик сразу повеселел, как только мы отошли от этого сиротского казённого дома, и вприпрыжку затрусил по дороге. Скоро он увидит свой родной двор, знакомую детвору, Олесю...

Стоял теплый сентябрь. Бабье лето. Но начнутся дожди, холода... Что тогда? Тэдик шел за мной до самой квартиры. Он,

наверное, решил, что теперь будет жить у меня. Я крикнула Давиду через дверь: "Запри Дендика! Я опять с Тэдди". Мы накормили пса (приютскую кашу он есть не стал), напоили молоком. Он блаженно растянулся на дорожке в кухне.

— Может, оставим? — нерешительно сказал Давид.

— А Денди?

— Может, привыкнет?

Мы решили попытаться их познакомить. Я нацепила на Денди ошейник, поводок и торжественно распахнула дверь в коридор.

— Знакомься, Дендик, это твой новый...

Мои слова заглушил яростный лай Денди, ринувшегося на бедного Тэдди с бешенством пантеры. Я еле удержала поводок. Тэдди в испуге забился в угол.

— Ничего не выйдет, — вздохнула я, водворяя Денди обратно в спальню. Надо было что-то делать. Поздно вечером, когда Денди устраивался на ночлег в одном из кресел, я выходила во двор и тихонько звала Тэдди. Он выбегал мне навстречу из своего шалашика, прыгая от радости, и шёл к нам ночевать. Лежал всю ночь на кухне, не шелохнувшись, ничем не выдавая своего присутствия. Понимал свое положение. Утром я его выпускала, пока Денди спал.

Потом в газетах появились мои душераздирающие объявления. Начались звонки. Одна женщина сказала, что хотела бы взять пёсика для внука, чтобы он играл

во дворе не с мальчишками, а проводил время в обществе домашней собаки. Мне это не понравилось. Я сказала, что животное — это не забава, не игрушка для ребёнка, а живое существо. О нем заботиться надо. Пёсик слабенький, у него большое сердце... Женщина сразу скисла. Нет, таким я не отдам Тэдди.

Другая женщина сообщила, что недавно потеряла пуделя-девочку. Подозревает, что её убил сосед. Хотела бы взять нашего взамен той. «А если сосед и его убьёт», -подумала я.И не отдала.

Я вложила в Тэдика столько душевный и физических сил, что теперь просто не могла его отдать кому попало. Мне нужны были гарантии благонадёжности будущих хозяев.

Ещё одна позвонила и сказала, что потеряла собаку. Выражала надежду, не наш ли это. На вопрос, когда, где потеряла — ответить не могла. Не помнила и примет.

— У него белое пятнышко на груди и на правой лапке. Так?

— Кажется...

Что это за хозяйка, которая не знает примет своего пса?! Не отдала.

...К счастью, у этой истории был хороший конец. Хеппи энд, как в голливудских фильмах. В один прекрасный день Олеся ворвалась ко мне с радостным криком: "Я уговорила маму! Тэдди теперь будет жить с нами". Рядом весело вилял хвостиком

счастливый Тэдди. На шее у него красовался розовый бантик. Я мысленно перекрестилась.

А звонки всё продолжались. Позвонил мужчина, назвавшийся Олегом Ивановичем, у которого погиб пудель, и сказал, что готов взять одинокого пса. Звонила старушка Зинаида Владимировна и тоже выражала готовность приютить собачку ("только маленькую, а то поднимать на руки тяжело".) Звонили еще разные добрые люди. Я всех благодарила и говорила, что Тэдик уже устроен. Но на всякий случай записывала телефоны этих людей: мало ли что, вдруг еще какого-нибудь четвероногого горемыку занесет ветром судьбы в наш двор.

Как-то встретив учительницу школы, где училась Олеся, я попросила её рассказать на уроке о поступке девочки. Урок начался проникновенными словами Экзюпери: "Мы в ответе за тех, кого мы приручили..."

Однажды я где-то прочитала, как один писатель шел с маленькой дочкой по берегу моря, а на берег после шторма выбросило тысячи морских звёзд. Девочка собирала их и бросала обратно в море.

— Зря ты это делаешь, сказал ей отец.

— Их же тысячи. Ты всё равно ничего не изменишь.

— Вот для этой звезды я уже все изменила, — сказала девочка, бросив еще одну звезду в море.

Я вспоминаю этот эпизод, похожий на мудрую притчу, когда вижу весело помахивающего хвостиком Тэдика, гордо вышагивающего на поводке со своей маленькой хозяйкой. Ничего не зря, если хоть для одного существа мы что-то можем изменить в этой жизни.

P. S. Как хотелось бы завершить эту историю на сей оптимистической ноте. Увы, жизнь не дала поставить здесь точку, а превратила ее в мрачное многоточие...

Как-то я, глядя Тэдди, заметила, что он вздрагивает и напряженно сжимает спинку в ответ на прикосновение. Соседка Оля, которая стояла рядом, высказала подозрение: "Его, наверное, бьют..." Она оказалась права.

Семью Олеси стал раздражать пёсик. С ним никто не гулял, а сидя взаперти целый день дома, он, естественно, не мог удержаться, чтобы не наделать лужицы. Тэдди наказывали — то есть, проще говоря, били. Стали выгонять на мороз до вечера, и он бегал один, как беспризорный. Я заводила его домой. Бабушка изображала притворную благодарность, всплёскивая руками: "Ой, а я только что за ним собиралась!" Но я видела, что она была в накрученных бигуди и, конечно, никуда выходить не собиралась.

Тэддик не унывал: какой-никакой, а все-таки у него теперь был дом, хозяйка, место ночлега. Увидев на улице меня, он начинал

весело крутиться — не одним хвостиком, а всем собой — так необычно он выражал свою радость. Провожал Олесю в школу и бегал там под окнами — ждал ее.

Но мама и бабушка Олеси затаили зло против пса. Чем-то он им мешал. И однажды Тэдика не стало.

Я, заметив, что давно не встречаю во дворе его серенькой масти, позвонила в их квартиру. Бабушка с наигранным оживлением сообщила, что Тэдди взяли родственники. Мол, у них частный дом, и они давно хотели такую собачку. Я, вспомнив историю с Грэм, почуяла недоброе.

— Пожалуйста, дайте адрес. Я его навещу, отвезу косточек, а то у меня их много набралось. — Еще теплилась какая-то надежда. Но она сразу оборвалась, когда в адресе мне было отказано.

— Я не помню адрес. Где-то в Энгельсе. Они только недавно туда переехали, купили дом. Да они скоро сами к нам в гости придут. (Приближался Новый год.)

Я попросила ее сразу позвать меня, как только они приедут. Но обещанного зова так и не последовало. Несколько раз при встречах бабушка заверяла меня, как Тэдику хорошо живется на новом месте. Я уже с трудом удерживала на лице маску вежливости, ненавидя эту лицемерную мегеру всеми фибрами души. Лена (старшая

сестра Олеси) тоже что-то плела мне о привольном житье-бытье Тэдди в доме родственников. А потом Олеся рассказала мне, как всё было. Она была еще маленькой и врать не научилась.

Приехал некий дядя Володя — действительно, родственник. Мама взяла Тэдди на руки и (без поводка и ошейника) вынесла к нему в машину. Олеся была против, но большинством голосов в семье судьба пса была решена. Больше его никто не видел. Видимо, Тэдди выбросили где-нибудь по дороге. (Позже Олеся с сестрой были дома у этих родственников, но пёсика там не было.)

Я не хотела подводить девочку (ведь ее неминуемо наказали бы за предательскую откровенность) и при встречах делала вид, что верю бабкиным рассказам, хотя, видит Бог, каких трудов мне это стоило. Пыталась представить, где сейчас Тэдди, как он мечется по незнакомым улицам, ищет свою маленькую хозяйку, свой с таким трудом обретенный дом. И, не найдя, снова лежит ничком где-нибудь на дороге, ища смерти, и снег заносит его одинокую фигурку, дрожащую от холода и нестерпимой обиды...

Как-то, уже весной, я спросила Олесю при встрече: "Ты вспоминаешь Тэдди?" Она тихо сказала, потупив глаза: "Вспоминаю... Он мне даже снится иногда. Как он меня встречает из школы..."

Мать и дочь

Люська — старая дворовая собака - родила прямо на детской площадке. Она лежала, открытая всем взорам, и облизывала своего единственного детёныша. Щенок оказался девочкой. Мать никого к ней не подпускала, угрожающе рыча. Исключение было сделано лишь для Олеси. Чем-то располагала она к себе собачьи сердца. Олеся бесцеремонно вытаскивала щеночка из-под теплого бока Люськи и баюкала его, как куклу. Кутала в тряпки, укладывала спать в коробку, катала в детской коляске. Щеночек подрос, окреп, превратившись в забавное белесо-рыженькое существо, ковыляющее на толстеньких ножках по площадке за каждым встречным. Олеся нарекла ее Эльзой (она любила красивые иностранные имена.)

Эльза росла всеми любимой и обласканной. Дети устанавливали очередь, чтобы поиграть с ней, поносить на руках. Все наперебой ее кормили, поили молоком, а Люська лежала, всеми забытая, забившись под кузов машины, и настороженно наблюдала за своим детищем. Она понимала, что сама теперь прокормить ее не может, вся надежда на этих шумных крикливых детей, и вынужденно мирилась с тем, как ее дочку тискают и куда-то уносят. Но душа ее, наверное, страдала от страха и

тревоги за свою несмышленную девочку.

Люську никто не кормил — старая, облезлая, она не вызывала ни у кого симпатии. Молоко и кашу, что я ей приносила, она недоедала — оставляла для Эльзы. У нее постоянно текли слюни от голода. Один из слесарей котельной заподозрил на этом основании, что она бешеная, и прогнал Люську.

Мать и дочь приютили в соседнем дворе. Изредка я приходила туда их покормить и видела, как светло-рыженькая Эльза весело носится по двору на своих крепеньких ножках, ловко перехватывая на лету очередной кусок, посланный ей чьей-то сердобольной рукой. Странно: на Эльзе совсем не было печати брошенности, бездомности, несчастья, как у всех ее собратьев, рыскающих по помойкам. Казалось, она была счастливой собачкой. Она знала материнскую и детскую ласку, теплое солнышко, мягкую травку и ждала от жизни только хорошего. Ей незнаком был холод, голод, жестокость, бесприютное одиночество. Все это еще ожидало ее впереди... И, может быть, это к лучшему, что Эльза так и умерла счастливой. Этим же летом ее с Люськой отравил какой-то мужик с первого этажа — досаждали ему своим лаем. Они умерли в один день: мать и дочь.

Инвалид

Однажды Олеся прибежала ко мне радостно-возбуждённая: в подвале недостроенного дома она обнаружила кутят: четверо черненьких и пять рыжих. Кутята были необыкновенно забавные и невероятно голодные.

У меня появилась новая забота: каждый день варила им бидон похлебки, кашу, покупала косточки. Надо было видеть, как они ели! Залазили в корытце вместе с лапками, вгрызались мордочками в теплое месиво, вылизывая все до донышка. Еда исчезала в мгновение ока, и, казалось, они никогда не насытятся. Раз покормив, ты уже попадала в эту добровольную кабалу: невозможно было ничем заниматься, зная, что где-то там тебя с нетерпением ждут эти алчущие беспомощные чумадые рыльца.

Стало тепло, а потом и жарко, щенки начали выползать из подвала на травку и солнышко. Приходя, я всё чаще недосчитывалась то одного, то другого. Куда они девались — одному Богу известно. Не хотелось думать об этом. Скрепя зубы кормила оставшихся.

Один чёрный щенок попал под проезжавший автомобиль, раздавивший ему переднюю лапку. Он ходил, тяжело переваливаясь, хромя, поскуливая от боли. Дети жалели кутенка. Когда еды всем не хватало и я раздумывала, кому в первую

очередь дать лучшие кусочки, они хором кричали: "Инвалиду, инвалиду!" — и подсовывали его мне под руку.

"Инвалид" оказался девочкой. Олеся окрестила ее Лизой. Лиза так Лиза. Так получилось, что из всего черного помёта уцелела только она одна. Ходили слухи, что щенков ели бомжи, которые ночевали в том подвале. Лизу они пожалели или побрезговали ее раздавленной лапкой, не знаю. Она поселилась неподалеку от сытной помойки: дремала целыми днями в бурьяне, зорко однако поглядывая в сторону мусорных баков — не несёт ли кто туда что-нибудь съедобное.

Лиза скоро вымахала в огромную лохматую собаку с добродушным характером, но довольно бесцеремонными манерами. Завидев меня издали, она, хромя, переваливаясь, как утка, неуклюже подпрыгивая, спешила навстречу, бросаясь с размаху на грудь всеми четырьмя лапами, оставляя грязные отпечатки на моем платье. А если я неосторожно наклонялась над ее чашкой — прыгала мне на спину, что было уже чистым хулиганством с ее стороны. Но я ей прощала эти маленькие собачьи шалости: ведь Лиза была еще, в сущности, щенком, только ростом большая. Я всегда ждала, пока она доковыляет на своих трех лапах и заставляла ждать всех нетерпеливо подпрыгивающих собак, не начиная кормёжку

без "инвалида".

Говорят, что, по теории вероятности, бомба в одну воронку не попадает. Увы, жизнь опровергла эту истину. Однажды на дремавшую Лизу наехал грузовик, не заметив ее в густом бурьяне. Ее "похоронили" в той же помойке.

Подкидыши

Как-то я, бродя по двору в поисках своей собачьей чашки (их постоянно кто-то утаскивал — для своей ли собаки или те же бомжи для себя — не знаю), обнаружила её возле старого фургона. Под ним копошились какие-то существа. Это оказались щенята — но какие! Боже мой! Совсем не похожие на тех бутузов, которых я только что выкормила. Тощие, прозрачные, золотушные, не щенки, а былинки в поле, дрожавшие всем тельцем от малейшего порыва ветерка, жавшиеся друг к дружке от страха перед этим чужим и враждебным миром. Оказалось, какой-то дядька привез их на машине и сбросил тут, во дворе. Они забились в узкую щель под фургоном — это было теперь их убежище.

Щенков было шестеро. Их жалели, кормили всем двором. Я, конечно, тоже не осталась в стороне, хотя жила в соседнем. Невозможно было смотреть, как они ели, горло перехватывало: вытянув тощенькие цыплячьи шейки, просвечивая всеми своими ребрышками, такие жалкие, беззащитные...

Поев, они бежали за мной следом до самого подъезда. Это было опасно: надо было идти через дорогу. Туда-то я их переводила, как насадка цыплят, а обратно? Я с тревогой следила с балкона: перейдут ли? И облегчённо переводила дух, лишь когда они оказывались на своей территории.

На следующий день этот смертельный "переход через Альпы" повторялся. Пробовала их отгонять, запрещала ходить за собой, шикала — бесполезно. Старалась убежать, пока они еще заняты едой, но кутята, поставленные перед выбором: миска или я — непостижимо выбирали второе и бежали за мной, пожертвовав остатками каши, бежали изо всех своих худосочных сил, ревниво оттесняя друг друга, подпрыгивая, лапаясь, заглядывая в лицо. Каждый хотел быть первым, быть выбранным мной, любимым.

Я уходила, а они долго еще сидели перед моим подъездом и пищали, задрыв головы, как галчата. Это были дети, которые, казалось, жалобно плакали: "Мама, мама, возьми меня к себе!" Я смотрела на них с балкона и чувствовала себя сволочью. Это было невыносимо. Меня как обожгло: ведь им не столько важна была пища, как больно и страшно от своего сиротства. Они просили защиты, тепла, любви. А я не могла дать им это, только дразнила надеждой.

Я решила больше не ходить туда, не приручать зря малышей, не травить им и

себе душу. Крепилась день-два, а потом не выдерживала: как они там? Живы ли? Сыты? И ноги сами несли меня к фургону.

Однажды мой "выводок", как всегда, проводил меня до подъезда. Потом пятеро убежали, а шестой — самый маленький и лихой — остался. И когда я вышла с Ден-диком на поводке, отважно отправился за нами следом.

— Иди домой, глупенький, — увещевала я его, — тебе нельзя с нами, мы пойдем далеко, заблудишься!

Кутенок послушался и с полдороги повернул обратно. Но, как оказалось, до фургона он не дошел. Что с ним случилось — неизвестно. Больше я его не видела.

Счастливчик

От прежнего выкормленного мной помёта уцелел один ярко-рыжий щенок. Дети прозвали его Счастливчик. Изредка я видела его блестящую, почти оранжевую шерстку, мелькавшую то в подвалах, то в зарослях кустов в поисках пропитания. Внимание всех добросердечных жителей двора было переключено на несчастных подкидышей, а рыжего Счастливчика никто не кормил. И выглядел он вопреки своему имени довольно несчастным.

Мне стало его жалко, и я подвела пса к фургону, показав место, где всегда для подкидышей была еда: кусочки снеди,

разложенные на газете, пластмассовые мисочки с супом, кашей, молоком. Рыжий все понял и теперь сам уже прибежал сюда подкормиться. Дети гнали его прочь: "Ты большой! Это для маленьких!" Хотя он был всего на каких-то два месяца старше. Я заступалась за Счастливого, доказывая, что не такой уж он и большой, что совсем недавно был таким же крошкой. В конце концов рыжего оставили в покое. И теперь среди пегих и желтеньких комочков, склонявшихся над чашкой, слегка возвышалась его ослепительно-солнечная головка. Щенята приняли его в свою семью.

Однако Рыжий рос быстрее и вскоре почувствовал свою силу. Он стал отнимать куски у малышей, кусал их, загонял под фургон, а сам тем временем наслаждался едой в одиночестве. Словом, вел себя, как пахан. Я, чувствуя свою вину и ответственность за сложившуюся нездоровую обстановку в щенячем семействе, пыталась урезонить "рэкетира". Кидала ему кости подальше, чтобы кутята успели за это время спокойно поесть. Пёс разгадал мою хитрость. Он игнорировал брошенные кости — после, мол, догрызу, никуда не денутся — и терроризировал щенков пуце прежнего, выхватывая куски у них буквально изо рта. Казалось, ему важно было продемонстрировать свою власть, показать, кто в доме хозяин. Это был какой-то дьявол,

а не пёс. Пришлось выгнать его из-под фургона. Он, кстати, туда уже почти не помещался.

Счастливи́чик, как изгнанный король Лир, отправился восвояси. Но я почему-то была за него спокойна: такой не пропадет. Он ведь Счастливи́чик.

Карташов

Мои лекционные размышления прервал резкий звонок в дверь. Не дожидаясь, пока я открою, в дверь забарабанили десятки маленьких кулачков: "Тетя Наташа! Скорее!! Щенков убивают!!!" Я, наспех застегивая халат, выбежала во двор.

— Что случилось? Где убивают? Кто?

— Это он, Карташов! — перебивали друг друга ребята. — Мы подошли, а он с перочинным ножом над ними... Он недавно щенку в подвале голову отрезал! Мы стали кричать, что Вас позовем, а они смеются: "Ну давайте, зовите сюда вашу тетю Наташу!"

Я, не помня себя, кинулась к фургону. Видела, как метнулись оттуда в сторону три мальчишечьи фигуры: пацаны лет двенадцати.

— А ну вернись! — сама не узнала свой голос. Издали донесся затейливый мат: "А пошла ты..." Мы их долго гнали в сторону школы. Там

они исчезли из поля зрения.

— Так. — У меня созрел план действий. — Сегодня же узнаете, в каком подъезде он живет, я схожу к его родителям. А щенков надо срочно перепрятать.

Мы их пересчитали: все пять были на месте. Запуганные, они забились под фургон. Этот гад Карташов тыкал их там ножом, хотел достать. Фашист. И фамилия-то какая-то фашистская: сразу приходят на ум Баркашов-Макашов.

Дети подсказали укромное местечко, куда можно было пока перепрятать кутят: в нашем дворе за выступом дома был крохотный тенистый палисадничек, огороженный со всех сторон решетками. Спрятанные в листве, щенки будут там невидимы постороннему глазу. А за это время я снаряжу десант из учителей и общественности к этому живодеру, родители его вздрючат, и он навсегда забудет дорогу к щенячьему дому.

Увы, жизнь опять спутала все карты и планы, выявив всю утопичность моего безнадежного идеализма. Первая же разысканная мной учительница испуганно замахала руками: "Что Вы! Это же Карташов! Его вся школа боится. Да его отец сам недавно за собакой с топором гонялся. Да он и говорить-то с нами не будет". Попыталась договориться с ребятами постарше, чтобы

разобрались с ним "по-мужски". "Не, он такой крутой..." А самой поговорить с ним — боялась, не его, разумеется, а того, что не удержусь в педагогических рамках и набью ему морду. Слишком я его ненавидела. Пепел Клааса — замученных щенков — стучал в мое сердце.

А перепрыганных кутят в тот же день вышвырнула с руганью из палисадника его законная владелица, не желая слушать моих объяснений и мольб.

— Нужны они мне тут! Гадить будут, дети — лазить, шуметь! Деревья поломают! Убирайтесь отсюда!

— Поймите же, это временно. Пока уймём хулигана. Потерпите... Я Вам обещаю тишину и покой.

— Убирайтесь! — она вышвырнула вслед нам консервную банку с собачьей едой. — И чтоб духу вашего тут не было!

— Учтите, гибель собак будет на Вашей совести! — патетически воскликнула я в уже захлопнутую дверь.

Звери, а не люди. Пришлось перенести щенят обратно. Я установила среди детей дежурство у фургона и наказала всем окрестным бабкам на лавочках следить, чтобы щенят не обижали. И в случае чего — звать меня. Первое время было тихо. А потом...

Тоша

Однажды утром я не досчиталась пятого кутёнка. Звала, шарила под фургоном, искала по двору — тщетно. Его не было пять дней. А на шестой...

Я едва сдержала крик ужаса, когда увидела этот качающийся от ветра скелетик, нетвёрдо идущий ко мне от помойки на спотыкающихся ногах. Соседка, проходившая мимо, всплеснула руками: "Концлагерь!" Позже я узнала, что "карташовцы" заманили его в западню, жгли ему усы, издевались, мучили, а потом бросили в мусорный бак. Кутёнок был весь изъеден блохами, они буквально роились в нём: ведь он был так слаб, что не мог оказать сопротивления даже насекомым.

Я схватила щенка в охапку и побежала с ним в дом. Заперла Денди в спальне, чтоб не мешал. Созвала "консилиум": Давида, Олю со второго этажа, имевшую медицинский опыт. Стали решать, как спасти собачку. Она оказалась девочкой. Давид поморщился, глядя на безучастное тельце: "Не жилец". Оля не могла ее колоть, не поднималась рука на такую худышку: боялась сделать ей больно. Решили для начала ее отмыть. Я натерла ее средством от блох, потом несколько раз тщательно вымыла детским шампунем под горячим душем, два часа вычесывали гребешком ужедохлых насекомых.

Тошу — так я ее назвала — мы устроили на балконе. Я сделала ей под скамейкой уютное гнёздышко из тряпок, занавесила сверху пледом от солнца. Тошенька была еще слабенькой, ничего не ела. Оля посоветовала впрыскивать ей в рот глюкозу спринцовкой. Я проделывала с ней эту процедуру каждые два часа. И действительно, помогло. На другой день Тоша поела мясного фарша. К ней вернулся аппетит. А к вечеру она даже сделала небольшую лужицу на другом конце балкона. Я поняла, что пришло время выгуливать нашего приёмыша.

Я вынесла Тошу на газон. Она не умела "выгуливаться". Вся ее коротенькая жизнь прошла под фургоном. Она стояла и смотрела на меня. Пришлось учить собачку гулять. Я чуть ли не показывала ей, как это делать. Тоша делала вслед за мной несколько робких шажков и опять замирала. Так с грехом пополам мы "отгуляли" с ней положенные 15-20 минут.

На второй прогулке она уже была побойчее. А когда я вышла с ней в третий раз, Тоша, которая прежде послушно шла следом за мной, вдруг повернула в сторону соседнего двора и, сначала тихонько, а потом все быстрее, быстрее, припустила что есть духу к своему фургону.

— Тоша! — крик застрял у меня в горле. Я растерянно смотрела ей вслед, не ожидая такого предательства. А Тошу уже окружили

выползшие навстречу ей малыши такой же желтовато-пегонькой масти, обнюхивая, облизывая, облаивая. Всю эту сцену легко можно было перевести на человеческий язык: "Где ж ты была, сестричка? Мы так волновались за тебя! Как ты сейчас? Здорова? Ну, рассказывай!" Уж не знаю, что им "рассказывала" Тоша.

Когда я подошла, она благодарно помахала мне хвостиком, но ясно дала понять, что уходить из "семьи" никуда не собирается. Её дом тут. Почему-то всплыли в памяти строчки Есенина: "Я скажу: не надо рая. Дайте родину мою!" Что ж, все правильно... Я на прощанье погладила Тошеньку и побрела домой. Проблема "удочерения" собаки отпала сама собой, и слава Богу, мало ли у меня других проблем и забот. Но какая-то обида на то, что моим кровом и заботой пренебрегли, подспудно червила сердце.

Вот говорят: "Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше". Насколько в таком случае собаки морально выше нас и рыб, если руководствуются другими понятиями. Не все, конечно. Они ведь очень разные, как и люди.

Я была обижена на Тошу, но не могла не восхищаться чистотой ее бескорыстной собачьей души, не знавшей, что такое предательство, не променявшей свой голодный родной фургон на тёплый угол и сытный кусок чужого дома. А потом меня вдруг

обожгла мысль: "А может быть, Тоша просто не верила, что я её возьму? Что потом не брошу, не выброшу, как её с братьями выбросили когда-то у фургона? Я ведь сама не была до конца уверена, что возьму её. Что скажет Давид? Денди? Все это были проблемы. Может быть, Тошенька просто решила избавить меня от них? Спасти от предательства?" Вот какую задачку загадала мне эта собака. И, как ни поверни, всюду я ощущала ее моральное превосходство надо мной. Это и восхищало, и мучило одновременно.

А вскоре Тоша пропала. Ее не было два с половиной месяца. Я уже мысленно похоронила и оплакала ее. И вдруг однажды она вернулась! Вернулась искалеченной, с раздробленной кровоточащей передней лапкой, как когда-то Лиза. Она была заметно мельче, худее своих уже чуть подросших сестёр и братьев. Видимо, жизнь не баловала ее. И нрав изменился: Тоша стала нервной, вспыльчивой, научилась огрызаться на других собак, уже умела постоять за себя. Где она проходила свои жизненные университеты? Об этом можно было только гадать. Как, наверное, тяжело собакам, — думала я, — что не могут они поведать о том, что с ними приключилось, не могут, как мы, излить близким свою душу, поплакаться на горькую долю. Или этот их ночной вой на луну и есть то же самое?..

Вскоре один за другим пропали еще три

щенка. Одного вроде бы взяла какая-то девочка. Другого всё носил с собой один мальчишка, мечтал взять, да мама не позволяла. Он назвал его Рэксом, играл с ним целыми днями, часто приносил ко мне покормить. Потом они оба куда-то исчезли. Может быть, все-таки мама согласилась? Хотелось думать, что это так.

О третьем щенке ходили страшные слухи. Будто кто-то видел, как отец Карташова, накинув веревку ему на шею, тащил упирающегося, скулящего пёсика в подвал. Об этом думать было невозможно, невыносимо, но всё время думалось.

Из шести подкидышей осталось только двое. О Тоше я уже рассказала. Теперь расскажу о Бельшке. Вот только соберусь с силами. Самая любимая, самая лучшая собачка на свете, самая большая моя боль...

Бельшка

Сначала я не знала, что она девочка, и мысленно окрестила этого щенка Бельшом. Он был самый беленький, самый нежный. Даже какой-то деликатный. Из-за этой деликатности Бельш часто оказывался вытесненным другими мордочками, тесным монолитным кружком толкавшимися над чашкой с едой, и оставался голодным. Я решила: раз такое дело — подкормить его отдельно. Принесла домой, поставила перед Дендиковой миской с кашей, предварительно

заперев своего жадного и ревнивого пса. Тут и обнаружилось, что Белыйш — девочка. "Ну, пусть будет тогда Белыйшка", — подумала я, уже привыкнув к этому имени и не желая его менять.

Белышка была очень робкой и пугливой. Она боялась есть чужую кашу. Забилась под стол и дрожала там в страхе. Другие собаки чувствовали себя у меня дома "как дома", всюду лазили, обнюхивали углы, а она боялась дома! Помню, меня это поразило тогда. словно она предчувствовала, что именно в доме примет свою смерть...

Я вынесла на руках так и не наевшуюся Белыйшку и покормила ее во дворе. Помню, прижимаю к себе в лифте ее тепленькое трепетное тельце, а губы сами шепчут какие-то успокаивающие, ободряющие слова: "Ну уж ты как-нибудь, маленькая, постарайся, выживи... Жизнь, конечно, у тебя тяжелая, непростая. Но я буду здесь, рядом, буду тебе помогать..."

Самое поразительное, что Белыйшка услышала мои слова! Не просто услышала, а поняла и, если так можно выразиться, вняла им! Иначе как объяснить уже на другой день произошедшую перемену в её настроении, поведении, поступках? Или это Бог услышал мою молитву за неё? Так или иначе, но Белыйшка стала старательно "выживать". Она теперь ловчее всех ловила на лету куски мяса, которые я бросала собакам, причем ее

деликатность осталась при ней: она никогда не вырывала у других еду, никогда не грызалась, не отвечала на агрессию, а как-то весело уходила от скандала ("обращала все в шутку").

Белышку стало не узнать. Оживленная, шустрая, радостная, она всё время вертелась возле помойки и никогда не упускала свой счастливый шанс. Люди, которые несли туда мусор, просто не могли пройти мимо ее сияющих агатовых глазок и приветливо машущего хвостика. Белышке перепало больше других. Она нашла подход к молочнице, и та поила ее молоком. Белышка стала заметно прибавлять в весе.

После кормёжки собаки по старой привычке гурьбой провожали меня до подъезда. Но для всех это было уже как бы ритуалом, формальностью: едва добежав до моего дома, убедившись, что еды больше не будет, они тут же поворачивали обратно. А Белышка бежала за мной дольше всех и по-прежнему долго ждала у подъезда. Она словно еще на что-то надеялась. Может быть, она еще помнила мой дом, миску Дендиковой каши, лифт, в котором я молилась за нее? Может быть, чувствовала, что я любила ее больше всех?

Наступила зима. Тоша с Белышкой ночевали в котельных, в подвалах, как-то

приспосабливались к условиям своей бездомной жизни. Я каждый день покупала им дешёвые кости и мясные обрезки. Они радостно подбегали (лапка у Тоши зажила), уплетали их за обе щеки, но Белышка больше ласкалась, чем ела. Помню ее замёрзшую мордочку в сосульках, как я руками пыталась их растопить, отогреть...

Как-то в мороз я привела Белышку домой погреться. Она стояла в коридоре, как вкопанная, не решаясь пройти. (Деликатность? Боязнь?) Я говорила Давиду: "Ты посмотри, какая она красавица!" Давид пожимал плечами: "Собака как собака".

Вдруг она поверила, оттаяла и резво побежала за мной в спальню. А я испугалась, что она там наследит, и стала ее выпроваживать.

— Обогрелась? Ну, теперь иди.

Но Белышка теперь уж не хотела уходить. Ей жалко было расставаться с надеждой на меня, на этот дом, который мог бы стать ей своим. Она упиралась, а я подталкивала ее к двери:

— Ну иди же, иди... Простить себе этого не могу.

Тоша ревновала Белышку ко мне и порой огрызалась на нее, но та лишь добродушно отбегала в сторону, пока не утихнет гнев сестры, и снова подходила как ни в чём не бывало, примиряюще помахивая

хвостом: мол, ладно тебе, не сердись, не будем ссориться... Хотя была почти в два раза крупнее тощей Тоши и вполне могла бы дать сдачи. Это был белокурый ангел в собачьей оболочке. Веселая, ласковая, преданная душа. Вся ее пухленькая пушистая фигурка излучала светлую радость жизни и святую веру в людскую доброту.

Летом Бельшка с Тошей "паслись" под боком у молочницы, а зимой их "приютила" сборщица бутылок. Это была для них какая-то иллюзия хозяйки. Они сторожили ей тару, когда та отлучалась, и за это она позволяла им спать в пустых ящиках для бутылок. Сестрички лежали, уютно свернувшись там клубочком, спинка к спинке, грея друг друга.

А потом для Бельшки наступила пора любви. Или, вернее, борьбы за свою честь. Целыми днями во дворе стоял разноголосый лай: за моей красавицей тянулся длинный шлейф кобелей, настырно предлагающих, как у нас сказали бы, руку и сердце. Она весело отбивалась, грызлась, убегала — защищалась, как могла. Я с сочувствием наблюдала из окна за ее стойкой обороной. Особенно выделялся один громадный черный кобель — чистопородная овчарка, причем с ошейником, но явно ничей. Он любил Бельшку безответной рыцарской любовью: отгонял от нее чужих "женихов",

охранял, когда она ела, не только не отнимая еду по праву сильного, но и не давая этого делать другим. Я в первый раз видела такого благородного бескорыстного пса.

Но сердце Бельшки принадлежало другому. Кому? Да Счастливику, тому самому рыжему, когда-то обижавшему маленькую Бельшку и ее "однофургонников", изгнанному мной из их семейства. "Буты-лочница" с уважением отзывалась о твердых моральных принципах "невесты": "Она не каждому дает. Только рыжему". Сердце Бельшки не помнило зла.

Однажды, когда я, как всегда, кормила своих собачек, краем глаза заметила рядом со сборщицей бутылок какую-то испитую бабью морду. Она деловито о чём-то расспрашивала "бутылочницу". До меня донеслись ее слова в ответ:

— А это ничьи. Приблудные...

Почему мне сердце тогда ничего не подсказало, не почувствовало опасности! Дойдя до дома, оглянулась: за частоколом ящиков я увидела взлетающие лапки сестричек: они играли друг с другом, привставая на цыпочки, и мне видны были из-за ящиков только эти взмахи передних лапок. На душе стало так тепло. Это было последнее, что я видела: взмах этих лапок. Это было прощание, а я не поняла.

Шкурка

Как трудно об этом писать. Вспоминаю, и ком в горле.

В последнее время Белышка уже не была такой радостной. Агатовые глазки смотрели грустно, чуть растерянно, словно недоумевая. Она, казалось, пыталась понять, почему люди так злы и черствы, почему её, такую хорошую, добрую, готовую всех любить, никто не хочет полюбить в ответ, пустить в свой тёплый уютный дом? Чем она виновата? Чем хуже других, которых любят? Может быть, поэтому на замёрзшей мордочке Белышки теперь всегда были сосульки, и я, как ни старалась, не могла руками их растопить. Может быть, она предчувствовала свою участь?

Когда я наутро подошла к пивным ящикам, где обычно крутились мои собачки, чтобы покормить их, меня встретила одна Тоша. Бутылочница, подбежав, оживленно схватила меня за рукав, словно готовясь сообщить радостную весть:

- А я тебя "обрадую"! Собачки-то беременной больше нет! Женщина ее съела.
- Что?.. — Я, где стояла, там и села. Прямо на эти дурацкие бутылки. — Как это нет... — До меня не доходил пещерный ужас ее слов.

— Она ее цепочкой поймать хотела... А я говорю: "Ты же видишь, она к тебе не идет". Так она ее на руки подхватила...

— Как же Вы отдали?!!

— А что я могу? У меня одни бутылки... Я ей говорила: "Оставь". А она мне: "Ты жрать хочешь, и я хочу". Схватила и понесла.

— Где она живет?

— Где-то на Луговой... — Глазки буты-лочницы забегали. — Нет, у Сенного...

В памяти всплыло вчерашнее опухшее бабье лицо. Так вот чего она тут вынюхивала... Ну почему, почему меня не было здесь в ту минуту?! Я бы не отдала, я бы вцепилась в эту гнусную красную рожу, запустила бы в неё первой попавшейся бутылкой...

Тошенька выглядела притихшей, испуганной. В первый раз она ночевала одна, без сестрички. Я растерянно гладила ее, судорожно соображая: "Как быть? Как уберечь Тошу? Надо срочно позвонить Сергею Клавдиевичу, договориться с приютом... Завтра же отвезу ее туда".

Я долго еще пыталась бутылочницу об адресе этой людоедки. Может быть, Белышка ещё жива? Я бы ее вырвала, выкупила, украла... Но та уверяла, что не знает, называла разные улицы, заметала

следы. В сговоре они, что ли?

А на другой день меня ждал новый удар. Утром Тоши у ящиков не было. Та тварь пришла за ней еще с вечера. Бутылочница юлила, божилась, что ее в это время не было, была не её смена. Многие видели, как та баба уносила Тошу. Прохожие заподозрили неладное, пытались остановить, спрашивали: "Куда Вы ее несёте? Вы их едите, что ли?" Живодёрка отвечала: "Что вы, как можно... У меня дом полон скотины. Просто я вчера собачку взяла, а она по сестре так скучает, так скучает... Пришлось вот и вторую, чтоб ей веселее было на новом месте".

Как утопающий хватается за соломинку, я ухватилась за эту безумно-иллюзорную мысль: "А может, правда... Может, пожалела, оставила..." Я понимала, что этого не может быть, но отчаянно билась в мозгу мольба: "Боже, ну сделай, чтоб это была правда! Ну оставь мне хотя бы эту надежду..."

Я брела, не зная куда, наугад. Ноги сами привели меня к этому подвалу. Возле него топтался черный кобель-овчарка, тот самый, с ошейником, но ничей. Я увидела, что он что-то теребит, какую-то шкурку. Пригляделась — Боже мой! — это была шкурка моей Бельшки! Светленькая, с желтоватыми завиточками, которые я столько раз гладила. Это была она, я не

могла ошибиться, мне знаком тут был каждый завиток. Шкурка была свежая, только что снятая, окровавленная. Кобель тербил ее, но, казалось, не кусал, а губами ласкал эту бывшую шубку той, кого еще позавчера так беззаветно и безответно любил.

Я шагнула ближе. Кобель схватил шкурку и бросился с ней бежать. Это было всё, что осталось у него от Белышки. А у меня — ничего... Даже фотографии. Я пришла домой сама не своя. Мучила мысль о Тоше. Я ведь могла спасти её, хотя бы её, ведь была уже предупреждена, могла отвезти в приют, если бы чуть раньше... Я могла бы спасти её второй раз.

Бедные сестрички. Добрые, ласковые, жизнерадостные. Кому они мешали? Они так хотели жить, любить. Они приспособились жить так — в подвалах, при помойках, обходясь малым, без людской заботы, без домашнего угла. Им не дали дожить до весеннего тепла, не дали отогреться замерзшей Белышкиной мордочке, не дали родить ей щеночков... Всего полгода отмерила им судьба. И никто не защитил, не спас, не отстоял.

Бедный носик замшеый,
глазоньки в шерсти...
Ах вы, люди, как же вы

не смогли спасти?!

Какими были их последние минуты? Как та гадина убивала их? Им было больно? Страшно? Наверное, плакали, звали маму? Бутылочницу, которая выдала их? Меня, которая не спасла?

Я плакала весь день. Варила кашу Денди, и слезы капали в нее. Потом понемногу успокоилась. По телевизору шел "Аншлаг". Юморист рассказывал забавный случай из спектакля "Василиса Прекрасная": "И вот сожгли уже её шкурку, и должен был Змей Горыныч..." Услышав слово "шкурка", я опять залилась слезами. Ведь только ещё позавчера я ее гладила, я ещё помнила тепло её шерстки... Потом опять реприза — о какой-то дохлой кошке. Я не могла слышать это, любое напоминание было как прикосновение к ране, приносило боль.

Взяла в руки газету. Там сообщалось о митинге в защиту собак, который должен был состояться у цирка в знак протеста против волны собачьих расстрелов, что прошла недавно по городу. На нашем базарчике на Первой Дачной тогда тоже убили двоих: Черныша и Шарика. Но я не могла идти. У меня не было сил протестовать. Ведь Белышки и Тоши больше нет, им уже ничем не поможешь. И никто мне их не заменит.

Вспомнились строчки Чичибабина:

В земле, травой поросшей,
Отлаявшись навек,
Она была хорошей,
Как добрый человек.
Куда ж ты улетело,
Куда ж ты утекло,
Из маленького тела
Пушистое тепло?

Хотелось выть, как собаке на луну. Где ты,
собаченька моя?

Р. С. Как-то весной на улице я встретила рыжего Счастливого. Он подбежал ко мне, с надеждой заглядывая в лицо и в руки. Как назло, у меня не было с собой ни сухарика, ни печенья. Я только погладила его по солнечной макушке. Мне хотелось спросить:

— Рыжик, ты помнишь Белышку? Она любила тебя...

Счастливчик смотрел так, как будто помнил. Со дня нашей первой встречи прошел ровно год. Из пятнадцати щенков уцелел только он. Один. Счастливчик!

Дети подземелья

Этот подвал недостроенного дома, где я выкормила первых щенков, а потом нашла Бельшину шкурку, сыграл еще одну зловещую роль в моей жизни. Вскоре, проходя мимо, я услышала оттуда жалобный писк. Спустилась вниз по обледенелым ступенькам. Там, прижавшись друг к другу, шебуршились два коричневых комочка, пища от голода. Щенки. Дети подземелья. Как они выжили здесь в такие морозы?

Теперь каждое утро я спешила сюда. Шла через силу, без радости, с предчувствием новой боли, зная наперёд, чем всё кончится, но не идти не могла. Я знала, что без меня их никто не покормит. Правда, у входа в подвал валялись брошенные кем-то заплесневелые горбушки хлеба, замёрзшие куски капусты, но всё это было несъедобно для таких маленьких. Я варила им супчики, вермишель, покупала фарш, молоко.

Комочки росли, и между ними уже намечалась разница. Тот, что поменьше, оказался девочкой. Она была робкой, с хорошенькой испуганной мордочкой, и вызывала большую нежность и жалость. А старший — я не успела узнать его пол — с более "крутой" мордашкой, почему-то я про себя его окрестила "мордвин", "мордовин" —

словом, мордатенький. По праву более крупного он мог отобрать у сестрёнки кусок, и я старалась восстановить справедливость: давала вновь ей, а не ему, как следующему по очереди.

Большенький ел, виляя во все стороны хвостиком — "благодарил", а младшенькая — нет, хвостик робко торчал, не выказывая расположения. Я думала, что бы сие значило: не испытывает благодарности? Не доверяет? Боится? А может быть, она, как все женщины, острее предчувствовала свою судьбу и не видела повода для радости в той случайной кормёжке?

Щенки были совсем не похожи на тех, прежних, что я вырастила. Те были доверчивые, ласковые, а эти — настоящие дички. На зов они откликались не сразу — осторожно выжидали. И подходили к пище, только когда я удалялась на безопасное расстояние. Кем-то они были здорово напуганы. (Потом я узнала, что щенков вначале было четверо. Что случилось с двумя — догадаться нетрудно.) "Ну и правильно, — думала я, — так и надо. Пусть будут злые, не привыкают к ласке, пусть кусаются, царапаются, но не даются, пусть знают, что человек — враг. Так у них будет хоть какой-то шанс выжить".

Однажды, спустившись в подвал, я не застала щенков у входа и двинулась в

поисках их вглубь этих "графских развалин". Там было темно, сыро и страшно. И в тот момент, когда кутята выбежали из каких-то своих потайных закутков, тонкий луч света, пробивавшийся сверху, вдруг перекрыла чья-то широкая темная фигура. Тяжёлые шаги спускались по ступенькам. Все ближе, ближе... Это был бож с огромным мешком бутылок за плечами, которые он здесь, по-видимому, прятал. Я попала в логово зверя. Может быть, они едят тут не только собак?

Щенята бросились врассыпную. Я уже не могла зазвать их обратно, несмотря на еду.

— А они дикие, и всегда такие будут, — буркнул бож.

И слава Богу. Я не хотела их приручать. Оставляла еду и убегала, чтобы они не привыкли ко мне и потом не перепутали с кем-то другим, кто причинил бы им зло. Это было противоестественно. Я давила в себе любовь к этим двум бурым комочкам с белыми лапками. Давила воспоминания, как они были голодны, как зарывались мордочками в газетный сверток, как молотили своими язычками, лакая молоко из консервной банки. Я чувствовала, что привязываюсь, и помимо воли рос страх за них, я знала, что они обречены. Ведь двух из четверых уже не было.

Я договорилась забрать щенков в приют.

Но вот беда — они не давались в руки! Стоило мне протянуть ладонь, как они с визгом бросались прочь. Боже, что же страшное пережили эти детёныши, что уже в таком младенческом возрасте были так недоверчивы к людям? Может быть, смерть своих братишек на их глазах?

Зародилась робкая надежда, что они выживут, не дадутся тем палачам, раз не давались даже мне. Один раз мне удалось чуть прихватить за бочок маленького, но он так завизжал, словно я по меньшей мере проломила ему череп, и я в испуге отдернула руку.

— Ну и пусть, и молодцы, — пыталась я себя успокоить. — Так, глядишь, доживут до лета, а там уже большие вымахают, сумеют постоять за себя. Это не доверчивые ласкуши Тоша с Бельшкой, такие выживут.

По утрам они меня ждали, выползая наружу. Я, шикая, загоняла их обратно в "катакомбы", озираясь в поисках врагов, готовая сторожить и охранять их тут, сколько надо. Но ничто не спасло моих малышей.

Молочница видела, как рано-рано утром бежали они к помойке в надежде отыскать какой-нибудь лакомый кусочек и тут же — опрометью в свой подвал, пока их никто не заметил. В этих человеческих джунглях им было так страшно. Так хотелось сохранить свою маленькую, дрожащую, как фитилёк,

жизнь. Господи, им всего-то нужно было так мало: несколько глотков молока, кусочек хлеба. Господи, дай им дожить хотя бы до весны — молила я Бога. Но в глубине души знала, что они обречены, и каждый раз шла туда со страхом, что на этот раз их не обнаружу.

Как я не хотела, боялась к ним привязываться! Боялась этой уже знакомой невыносимой боли. ("Я любовь узнаю по боли всего тела вдоль". "Боль, знакомая, как глазам — ладонь, как губам — имя собственного ребенка".) Не хотела, не приручала, не гладила, уходила сразу. Но злодейка-судьба ждала коварно, пока я незаметно для себя привяжусь, и только тогда нанесла свой удар.

Я даже не успела никак назвать моих кутят. Они погибли безымянными. Этот черный понедельник я никогда не забуду.

Сварила им каши с фаршем, налила тёплого молочка. Стала звать, как всегда: "Кути, кути!" В ответ — зловещая тишина. Может, бояться? Кто-то напугал? Я звала их минут десять. Спустилась вглубь — нигде. Заметила чужую консервную банку — ее вчера не было. Какая-то большая чёрная лужа, впитавшаяся в землю, неизвестного происхождения. Может быть, их кто-нибудь взял на выходные? — теплилась надежда. Я оставила кашку на газете, налила молока в

обе банки и ушла с тяжёлым чувством.

После обеда опять пошла туда. Ноги не шли. Нет, завтра... Завтра больше шансов.

Утром шла, как на голгофу. Заглянула вниз. Резануло по сердцу: замерзшее молоко в банках, ледяная горка нетронутой каши. Я робко позвала: "Кути, кути!" Плакать уже не было сил. В груди застыл какой-то ледяной ком, как та замерзшая каша, которой они уже никогда не попробуют. "Ничего, ведь я была готова. Справлюсь с этим как-нибудь".

Утром на негнущихся ногах — опять туда. А вдруг?.. И опять — замёрзшее молоко. "Кути!" "Крикну — а в ответ тишина..."

Бутылочница окликнула меня:

— Что-то щеночков твоих не видно.

Молочница отозвалась:

— Да бомжи их едят.

— Господи! Таких маленьких... Скоро людей жрать будут...

Я долго не могла всё это записать. У меня начало физически болеть сердце. Я обходила тот двор стороной. Старалась не смотреть в ту сторону. Не могла видеть бутылочницу, её ящики, этот злосчастный подвал. Все ждала, когда утихнет боль. Но она не утихала. Думала, напишу — может, станет легче? Никто не понимает. Когда я кому-то это рассказываю, читаю в глазах: "Нам бы твои заботы".

Если б я могла об этом написать так,

чтобы людей проняло, чтобы они плакали над моими щенками, как плакали когда-то в детстве над "Муму", Белым Бимом, чтобы дошло до самого последнего бомжа, чтобы собачий кусок застрял у него в глотке, чтобы подавился он их сиротскими косточками!

Собачье кладбище у меня в душе. Тобик, Грэй, Тэдди, Люська, Эльза, Лиза, Тоша, Белышка, безымянные щеночки... Обласканные и оплаканные, тянут они ко мне свои детские голодные мордочки, просят, чтобы их помнили, чтобы хоть после смерти любили...

Бим

Это будет очень короткий и очень грустный рассказ. Чистокровный сеттер Бим (точь-в-точь как в рассказе Троепольского, так что даже сомнения не возникало, как его звать) появился в нашем дворе в самые морозные февральские дни. Говорили, что его бросили тут какие-то люди, приехавшие в гости к родственникам. Бим был совсем молодой пёс — год-полтора от силы — и, по всему, очень домашний. Он сходил с ума от тоски по своему утраченному хозяину, от страха, что потерялся, и в ужасе бегал кругами вокруг дома, не в силах остановиться, круг за кругом, без остановки,

весь день, всю ночь... Смотреть на этот смертельный марафон было настолько жутко, невыносимо, что равнодушных к судьбе Бима во дворе почти не было. Все стремились как-то ему помочь. Кормили, постелили ему в подъезде, обзванивали знакомых, давали объявления... Но Бим не ел, не спал, и всю ночь подъезд оглашал его тоскливый надрывный вой. Невысыпавшиеся жильцы начали роптать, прогонять Бима. Кто-то даже поджёг под ним подстилку. Объявления уподоблялись гласу вопиющего в пустыне — таких брошенных в городе были чуть ли не сотни. Положение становилось тупиковым.

Мы с Сергеем Клавдиевичем и другими сочувствующими доставили Бима в приют. Но и там наш мученик не нашел себе пристанища. Бим отказывался принимать пищу, и его кормили с помощью шприца. У него открылась редкая форма нервно-паралитической чумы, отказали ноги, стали слепнуть глаза.

Как-то я навестила его. Бим сидел в кресле, как маленький сфинкс, и неузнаваемо смотрел на меня затянутыми плёнкой глазами. Мне почудилась на его страдальческом лице (именно лице) маска смерти. Что же пережила эта маленькая, преданная, надорвавшаяся от непосильного предательства собачья душа?!

Раз в неделю я звонила ветеринарному врачу Оле из приюта, спрашивала, как там наш Бимка. В последний раз она сказала: "Надежды нет..."

Дружок

Соседка зашла ко мне поздно вечером и взволнованно поделилась известием о новом подкидыше. У торца недостроенного дома возле автостоянки она обнаружила маленькую беленькую болонку, видимо, больную, она не могла ходить. Собачка дрожала от холода (стояли сильные морозы). Соседка укрыла ее какими-то тряпками, перенесла на сухое место, но душа у неё ныла и не давала покоя. Я была с мокрой головой, было поздно, и я никуда не пошла. Но мысль о собаке мучила меня всю ночь. Едва дотерпев до утра, я побежала к тому месту с одной мыслью: "Только бы жива!" Собачка была жива. Она безучастно смотрела на меня из-под вороха заснеженных тряпок и судорожно дышала.

Я обернула ее найденной у подъезда рваной фуфайкой и принесла в дом. (Естественно, заперла Дендика.) Положила под батарею. Собачка оказалась кобельком. Всё его тельце было жестоко израненным: порезы и кровоподтеки в паху, перелом двух ножек и, кажется, повреждения внутренних

органов. Из ранки сочился гной. Что за палач над ним постарался? У какого ублюдка поднялась нога на такую кроху? Кто эти нелюди, что вышвырнули избитого до полусмерти пёсика на мороз? Когда же у нас, наконец, начнут судить за это?

Пришла соседка. Мы попытались его покормить — тщетно. Какая еда в таком состоянии! Я вспомнила про испытанное средство, что спасло Тошу: глюкозу. И стала впрыскивать ему в рот сладкую жидкость. Глюкоза вновь не подвела. Пёсик чуть ожил, отогрелся в тепле, стал подавать признаки жизни. Я пыталась с ним разговаривать: "Ну как ты, маленький? Как тебя зовут? Шарик? Малыш? Дружок?" Давид говорил: "Ну что ты спрашиваешь? Все равно он тебе не скажет". Но при слове "Дружок" пёс поднял ушки и повернул голову.

— Ага, вот и сказал! — смеялась я.

Но радовалась я рано. Дружок был ко всему безучастен. Казалось, он не хотел жить. Не верил, что ему хотят добра. Однажды он даже злобно тыпнул меня за палец, прокусив до крови, когда я попыталась впрыснуть ему глюкозу в очередной раз. Видимо, ему было очень больно.

Я не привыкла к такому собачьему отношению. Обычно собаки быстро проникались благодарностью,

привязывались, ласкались. Дружок не хотел дружить со мной, не хотел оправдывать свое имя. Иногда мне даже казалось, что он меня ненавидит. Может быть, считал ответственной за все, что с ним произошло? Беспомощно распластанное на полу тельце вызывало жгучую жалость, желание подойти, приласкать, но ледяной взгляд пса замораживал порыв, останавливая на полпути.

Пребывание тяжело больной собаки в квартире значительно осложняло нашу жизнь. Когда Давид заходил в ту комнату, я в страхе следила, чтобы он не забыл защелкнуть за собой дверь, потому что Денди был тут как тут: чуюл своим носом чужака в доме и жаждал расправы. Он бы не посмотрел на "лежачего", разорвал бы за милую душу. А Давид был рассеянный насчет двери, и я вынуждена была следить за каждым его шагом, постоянно была в напряжении.

Дружок лежал пластом, ничего не ел, ходил под себя. В комнате стоял удушливый спёртый запах мочи. Когда я переворачивала пса, чтобы вытереть пол, он всякий раз норовил укусить. От боли он чуть не перегрыз телефонный провод. К концу недели все это стало уже невыносимым. Давид стал поговаривать о том, что Дружка надо усыпить, что другого выхода он не

видит.

Я позвонила в АТХ. Мне ответили, что можно приехать в любое время. Но я никак не могла решиться. К тому же там усыпляли током, а это, наверное, больно. Нет, ответили мне, это кошки умирают мучительно, а собаки обычно сразу. Тем более такой маленький. Но я не могла. Давид сказал, что в лечебнице при Детском парке усыпляют наркозом за 36 рублей. Дорого, конечно. Но зато умрет как человек. Но ведь за эти деньги можно нанять машину и отвезти Дружка в приют, где его хоть попытаются спасти... Давид уверял, что он все равно "не жилец". Пёс ничего не ел все эти дни и был очень слаб. Он даже не поднимал головы с пола.

— Ладно, последняя попытка, — решила я. — Если сейчас он поест — мы возем его в приют. А если нет — значит, судьба его такая. Усыпим, чтоб не мучался. — И понесла Дружку судьбоносную кашу.

— Ну поешь, миленький, — молила я его, — не заставляй брать на душу грех...

И — о чудо! — Дружок поднял головку, повел носом и — съел и вылизал всю тарелку. Словно понял, что от этого зависит его жизнь.

Я торжественно, как хоругвь, понесла в кухню вылизанную до блеска плошку.

— Видишь? — предъявила её Давиду как вещественное доказательство жизнеспособности Дружка. — Ест — значит, будет жить. Везём в приют!

Давид добыл в каком-то магазине коробку, я устелила ее тряпками, мы уложили на эти импровизированные носилки недвижимого пса, закутали старым одеялом и закололи булавкой под самым горлышком. Дружок был "упакован". Мы пустились в путь.

Приют был у черта на куличках. Шофер-калымщик долго плутал по незнакомым улицам, спрашивая дорогу в неположенных местах, за что был крепко оштрафован ГАИ, так что вся наша оплата его поездки была заранее обесценена. Мы чувствовали себя неловко, шофер злился. А виновник всех хлопот и неприятностей лежал на заднем сиденье в коробке из-под книг, свесив голову, и безучастно смотрел куда-то вдаль. Казалось, ему было всё равно, куда его везут, что с ним будет.

На калитке приюта нас встретила грозная надпись: "Злые собаки!" Пробившись сквозь кордон "злых собак" — слишком истощённых и пугливых, чтобы причинить какой-то реальный вред (я, впрочем, на всякий случай вооружилась палкой, а Давид высоко над

головой нес драгоценную коробку с лежащим псом), мы встретили новый барьер — надпись теперь уже на двери дома гласила: "Приют переполнен. Приём животных временно прекращён. Оставленные во дворе животные будут выпущены на улицу".

Ну уж нет! Я в отчаянии заколотила в дверь. Потом в окна. Появилась девушка в белом халате. После недолгих переговоров удалось выхлопотать псу "вид на жительство".

Мы распаковали Дружка и отнесли его в новую обитель. Его тут же окружили, обнюхивая, такие же горемычные искалеченные собраты: полупарализованный серый пудель, тянувшийся к нему со своей лежанки, трёхногая дворняжка, облезлый кот, прыгнувший с холодильника, предпочитавший, как оказалось, жить не с котами, а с собаками.

Дружку все были "до лампочки". Он лёг ничком, положил свою измученную головку на лапы и закрыл глаза. Не захотел даже с нами попрощаться. Видно, натерпелся в своей жизни от "человеконогих".

Изредка я звонила ветврачу Оле, справляясь о нашем подопечном. Она жаловалась, что он не давался колоть ("всех нас перекусал"). Потом до меня постепенно

доходили радостные известия: Дружок встаёт, ходит "в туалет". Переломанные лапки срослись. Болячки зажили. Появился аппетит. Его искупали, он стал белоснежным, пушистым. Не кусается больше. Может, ещё оттаёт его замерзшее израненное сердечко?

Микки

Это будет, наверное, единственный не печальный рассказ в этой книге. Хотя нельзя сказать, чтобы жизнь у Микки была такой уж безоблачной. Нет, всякое бывало... Сейчас в свои десять месяцев от роду он выглядит даже слегка устрашающе: большой, лохматый, с необычайно пышной пепельно-черной шерстью с проседью, маленькой головой со смешными маленькими ушами — несуразными при весьма массивном туловище — и белыми задниками лапок. Да, и еще роскошный черно-бурый хвост. А совсем недавно, летом, был крохотным, как пушистая варежка, комочком — этакий божий одуванчик с кулачок. Я помню, как он катился колобком по траве, и любопытство заносило его то влево, где проезжая часть, то вправо, где чужие дворы, а Олеська через каждые два шага нагибалась и выправляла его траекторию.

Олеся подобрала Микки где-то возле

гастронома на Первой Дачной, уверяя, что он сын пуделя и овчарки. Каким-то чудом её мать согласилась принять щенка в дом. После истории с Тэдди весь двор осуждал эту семью и скептически смотрел на возню Олеси со своим новым питомцем, предчувствуя такой же плачевный исход. Но Олеся так привязалась к кутёнку, так всюду носилась с ним (тот гастроном на Первой Дачной обходила за версту, боясь, что мать-овчарка отнимет у нее своего сына), что я подумала: может быть, Микки повезёт больше, чем Тэдди? Может быть, их мучит совесть за выброшенного пёсика и они решили искупить таким образом свою вину? (Увы, мой безнадежный идеализм!)

Поначалу Микки (его полное имя, данное ему Олесей, Микки Маус, как у героя мультфильма), действительно приняли как родного, кормили и даже выгуливали. Помню, однажды Олеся ворвалась ко мне в слезах: "Микки в яму упал!". Колобок-Микки закатился в канализационный колодец. Его спасали всем двором: я тащила лестницу, сестра Олеси лезла, сосед держал... Щенок даже не успел понять, что произошло, как его уже извлекли на свет божий. Он был очень веселый, живой, целыми днями играл с детворой, был всеобщим любимцем.

Но вот кончилось лето, Олеся пошла в школу, и... история повторилась. С утра до

вечера Микки слонялся по улицам, мок под дождем, дрожал под холодным ветром, ел что попало на помойках...

Я попробовала поговорить с Олесиной бабкой. Та возмущалась: "Вы не представляете, сколько эта собака ест! Он ест, как человек!" Я стала покупать для Микки "Геркулес". Заводила замёрзшего пса к ним в квартиру. Бабка округляла честные глаза: "Да он только сейчас вышел! Он сам не хочет сидеть дома".

Причину "нехотения" Микки идти домой я вскоре узнала. Однажды я увидела его грустным, понуро лежащим на ступеньках подъезда. Это было так не похоже на прежнего веселого Микки, что я решила: пёс заболел. Позвонила к ним в квартиру. Открыла бабка.

— Ваш Микки заболел. Надо отвезти его в лечебницу. Если хотите, я могу отвезти. Наверное, придется делать уколы...

По ее физиономии я поняла, что лечение Микки не входило в их планы.

— Неужели же Вам его не жалко? — вырвалось у меня.

— Жалко, конечно, жалко, — суетливо заверила меня эта баба-яга. И в доказательство сего медовым голосом процедила в пролёт:

— Микки! Иди домой!

Микки испуганно смотрел на неё и жался к стенке. Я подталкивала его в спину, а он упирался. Мне стало всё ясно. Эта старая карга была пса. Потом Олеся это подтвердила.

— Бабка его бьёт. Ногами пинает. А я его всегда защищаю...

Но Олеся весь день была в школе, в продлёнке. А Микки оставался небогатый выбор: быть битым дома или мёрзнуть и голодать на улице.

К зиме его выгнали окончательно. Микки поселился у меня на лестничной площадке. Я постелила ему коврик под дверь. Там он ночевал, ел, а утром, еще до рассвета, бежал на базар. Базар был его стихией. Сначала Микки сопровождал меня туда по утрам, а потом уже сам выучил туда дорогу. Он пропадал там с утра до вечера. Дел было много: в яичном отделе подлизывал разбитые яйца, в колбасном — выпрашивал огрызки сосисок, в хлебном подъедал сладкие крошки. Микки был вегетарианец. После того, как бабка избивала его за съеденное из супа мясо, скормленное ему Олесей, он невзлюбил этот продукт. Исключение делал только для колбасы и куриных косточек, которыми хрустел аппетитно и дразняще.

Микки был, можно сказать, сыном базара. Его здесь все знали и любили, звали

"лохматиком". Он знал подход к каждому продавцу. "Ел" их глазами, умильно склонив голову набок, тёрся о ноги, усердно крутил своим пышным хвостом чернобурки, пока крепость не сдавалась и вождеденная душа Микки не обретала желаемого. Это было искусство. Микки ходил на базар, как на службу. Там он "зарабатывал" себе пропитание.

Рот у него всегда слегка полуоткрыт, откуда неизменно выглядывает розовый язычок, из-за чего вид у Микки несколько удивленно-глуповатый. Но это обманчивое впечатление. На самом деле Микки очень умён. О, он необыкновенно хитёр, этот ушлый, смышлёный, востроглазый и шустроногий Микки! Надо было видеть, как проворно и умело зарывал он баранку-заначку в неприметную мусорную кучку, закидав сверху землей для конспирации. Как осторожно переходил перекрёсток строго по светофору, внимательно следя за прохожими: идут или ещё нет. Как в самую сухую погоду умудрялся отыскать лужицу с чистой питьевой водой. Жизнь научила его многому. Микки был оптимист. Он не унывал оттого, что его выгнали из дома, не убивался от человеческого предательства, как Бим или Тэдди. Микки был самодостаточен. Казалось,

он жил по какому-то своему, составленному им самим, плану. Утром — на базар, вечером — в подъезд, на тёплый, нагретый на батарее коврик у моей двери, где его ждала миска "заработанной" похлёбки. Жизнь была наполнена смыслом.

Но Микки не только "трудился", он умел и "отдыхать". Как залихватски он гонял по двору пластиковую банку, подбрасывая её кверху и наддавая головой и лапой, как футбольный мяч! Просто невольно хотелось к нему присоединиться, так азартно и заразительно он это делал. А как ловко таскал палки, виртуозно вертя их в зубах, чуть ли не жонглируя ими! По этому псу плакала цирковая арена.

Однажды я решила подначить Микки, показав ему здоровую суковатую палку, чуть не бревно, — что, мол, слабо тебе? Тот смерил меня взглядом, словно хотел сказать: "Обижаешь!" И, легко подхватив это бревно, поволок его по земле даже с каким-то изяществом, вновь продемонстрировав свой высокий "профессионализм". Упорство, трудолюбие, честолубие, сноровка — все эти несобачьи качества, присущие Микки, достойны были, конечно, лучшего применения. Но он родился собакой и, как умел, скрашивал свою собачью жизнь.

Самостоятельность и смекалистость пса делали меня за него спокойной: такой не

пропадёт. Душа моя за него не болела. Но однажды Микки пропал. И только тогда я поняла, как она была не свободна от него. "И ты, Брут!" — думала я сквозь слёзы и не находила себе места. Неужели мое собачье кладбище пополнится еще одной могилой? Воображение рисовало картины одну страшнее другой. Я каждые полчаса подбегала к двери и смотрела в глазок: не пришёл ли? Выглядывала в окно на каждый собачий лай. Пока однажды Давид не обрадовал меня, раздеваясь в прихожей:

— Там твой Микки явился.

— Живой?! — так и подскочила я.

— Слишком, — буркнул Давид, счищая с куртки следы Миккиных лап. Я выскочила в коридор. Мне хотелось расцеловать его лохматую глупенькую морду, тормошить, тискать: "Ну как ты? Где ты был? Расскажи!"

— Микки устало опустился на коврик, уютно свернувшись калачиком. — Где-где! Мало ли какие могут быть у собак свои собачьи дела.

Весь вечер я подходила к глазку двери, проверяла: там? Намаявшийся где-то Микки крепко спал, разметавшись во всю ширь по площадке.

— Живи тут, не уходи больше никуда, — заклинала я то ли его, то ли Бога. — Никуда и никогда. А главное, живи, живи, Микки!

"Мне отпущено этого сверх меры..."

Когда был опубликован мой рассказ "Собачья страна", я получила на него много откликов. Один из них — от пенсионерки Нины Сергеевны Могуевой — меня особенно тронул. Вот что она писала: "...так мы, оказывается, с Вами из одной страны, мы с Вами земляки. Сколько историй могла бы я рассказать Вам! Много, много лет я кормлю всех прибрлудных собак и болею за них. И, наверное, какие-то флюиды излучают такие, как мы с Вами, иначе как объяснить, что на мой девятый этаж пришла собачина величиной с теленка (московская сторожевая) и легла около моей двери. Это был крайне истощённый пес. Мы с соседкой вывернули наизнанку все свои кастрюли, накормили его. И он не хотел уходить. Потом я нашла его хозяев — очень неблагополучная безработная семья на соседней улице. И я целые полгода ежедневно варила шестилитровую кастрюлю еды милому Ричарду. Как он меня встречал! Как он меня ждал! Я полюбила его всей душой. А потом он пропал. Горю нашему не было конца.

Сколько Шариков и Бобиков прошло через

мои руки и мое сердце! А малое количество "хеппи эндов" унесло много дней, а может быть, и лет моей жизни. Мне кажется, что мне отпущено этого сверх меры, это просто отравляет мне жизнь. Не могу видеть кучу шевелящихся раков на базаре, не могу проходить по Птичьему рынку, все зверюшки там причиняют мне боль — к кому они попадут, как будут складываться их судьбы? А уж бездомные... ужас!

Была бы богатой — обязательно сделала бы что-то лучшее, чем наш приют. Делаю, что могу. Всю зиму за окном в кухне висит сало (но стало таким дорогим! — не по карману) и кормушка для синичек и воробьёв. А на сало ко мне прилетал дятел. Такой красивый!

У меня есть подружка, такая же, как мы с Вами. (К ней тоже дятел прилетал.) Она кормит 12 уличных кошек. Дама она интеллигентная, очень следящая за собой, нарядная. Но два раза в день выходит с кастрюлей, бутылкой, тряпкой и зовет: "Жозефина, Матильда, Сильва!" Изю всех дырок выбегают кошки. Сосед внизу смотрел, смотрел на это, а потом спрашивает: "Наталья Владимировна, а как Вы узнали их имена?" Она серьезно отвечает: "А они мне сами рассказали".

Я иногда задаю себе вопрос: почему одни люди, встречая несчастное, никому не

нужное животное, равнодушно проходят мимо, другие же останавливаются, спешно лезут в сумку, достают какой-нибудь кусок, стараются накормить, погладить, приласкать и долго тоскливо смотрят вслед. Чем объяснить такое разное отношение? Не тем же, что одни плохие, а другие хорошие люди? Но что тогда?.. Наверное, есть люди, которые обречены... обречены на сочувствие, сопереживание, они просто не могут пройти равнодушно мимо. Иногда мне кажется, что им свыше дано задание — помочь, накормить, ободрить, поддержать несчастную брошенную собаку, кошку, поддержать угасающую жизнь. И это не лёгкое задание.

Вспоминаю, как однажды я у входа в Торговый центр встретила такую жалкую, тощую собачонку. Шерсть на ней повисла клоками, она хромала и поминутно приседала. Я думала, мое сердце разорвётся от боли. Я забыла про все свои планы и бросилась искать что-нибудь съестное. Я бегала от ларька к ларьку — не было ничего подходящего, пришлось купить пирожное. Но собачонка исчезла. Я обошла весь Торговый центр в поисках ее, но так и не нашла. Вернувшись домой, я отдала пирожное нашим дворовым псам, и долго ещё ныло и болело сердце.

Наш двор, окружённый четырьмя

многоэтажными домами, видел много печальных и страшных собачьих историй..."

Вот такое замечательное письмо от удивительной женщины, которой "сверх меры" отпущены сострадание, жалость и любовь ко всему живому, которой дано "задание свыше" помогать всем слабым, несчастным, обиженным на этой земле.

Мне хочется привести две собачьи истории, рассказанные Ниной Сергеевной — с плохим и хорошим концом.

Истории, рассказанные Н.С. Могуевой

Маша

Эта рыжая и очень симпатичная дворняга появилась у нас в начале лета, быстро став любимицей детей. Она бегала за ними, радостно лаяла. Многие подкармливали её. К осени она стала толстеть, и мы поняли, что будут кутята. Маша не входила ни в один подъезд, спала во дворе. Через некоторое время она исчезла. Дети быстро нашли тайник: Маша вырыла его под бревном около забора, и там родились шестеро чудесных кутят-толстячков. Как радостно было видеть заботу людей об этих подкидышах! Несли

еду, несли тряпки, чтобы утеплить нору. Молодая женщина из соседнего дома принесла большой пушистый свитер.

Да, это были те самые люди — "с заданием" (так я их называла). Но были и другие — с хмурыми лицами они проходили мимо и бросали злобные слова: "Людям плохо, а они тут с собакой возятся!" Всякое было.

Кутята росли, им стала мала нора. Нужно было что-то предпринимать. Двое нашли своих хозяев, а четверых мы отправили в приют.

Наступила зима. Маша поселилась под лоджией соседнего дома, лежала на холодном асфальте. Дети постелили ей картонку. В это время сын подарил мне телевизор, он был в большой коробке, которую я ночью поставила под лоджию. Вскоре в ней появилось чье-то теплое старое пальто. Маша зажила по-барски. Мы радовались, глядя, как она, уютно свернувшись клубочком, спит в своем новом доме.

Но мне сказали, что женщина, под чьей лоджией устроилась Маша, хочет ее выгнать. Я взяла плитку шоколада и пошла, чтобы умиловить эту женщину. Не тут-то было! Вот ей явно не было дано никакого "задания", да просто не было дано души. Она отвергла и мою просьбу, и мой подарок, и на

следующий день коробка была выброшена, а несчастный рыжий комочек лежал, свернувшись на снегу, в продуваемом ветрами дворе. Почти два года прожила Маша рядом с нами, но кому-то она очень мешала. Были вызваны собачники... Дети плакали и искали Машу.

Жучка

Жилец нашего дома, который шил шапки, привез на машине собаку, купленную на базаре. Я услышала страшный вопль, визг, выражавший беспредельный ужас. Подошла к машине и увидела, как новый хозяин пытается надеть ошейник на собаку, а она дико, как-то даже не по-собачьи визжит и воет. Я увидела красивую густую шерсть собаки, и страшная догадка пронзила меня. Но сильнее всего чувствовала это собака: она забилась в угол машины, рычала, визжала и выла. Я стала уговаривать соседа отпустить собаку. В конце концов он вынужден был это сделать.

Собачонка выскочила из машины, пулей пронеслась по двору и забилась в густые заросли кустарника. Никакие уговоры, ласковые слова не помогали, она рычала и бросалась на людей, когда они протягивали к ней руку.

И стала жить чёрная Жучка в кустах. Выходила из своего укрытия она только ночью и быстро пряталась при появлении людей. В который раз я с благодарностью и радостью думала о человеческой доброте, видя утром расстеленные около кустов бумажки с кусочками колбасы, сыра, чашки с водой. Люди не остались равнодушными к этой несчастной, потерявшей веру, предательски проданной хозяевами собаке.

Каждый день я подходила к кустам и, присев на безопасном расстоянии, ласково говорила с бедной псиной, бросала ей вкусные кусочки. В ответ же раздавалось рычание, которое становилось все менее и менее злобным. Так продолжалось целый месяц.

Однажды я гуляю во дворе, и вдруг кто-то бросился ко мне, стал прыгать вокруг. Это была наша дикая Жучка. Доброта и терпение победили ее страх, боль и обиду. Она снова поверила человеку.

У этой истории был хороший конец. Приютила Жучку соседка Лариса, у которой уже была овчарка. И вот однажды приходит к

Ларисе ее знакомая, и Жучка с разбега прыгает к ней на колени. Та обняла её и сказала: "Теперь это моя собака". Потом я часто спрашивала Ларису о Жучке и её новой хозяйке. "Живут душа в душу", — был счастливый ответ.

Послесловие

Я думаю, эту летопись собачьих историй мог бы продолжить и ты, дорогой читатель. Вспомни, сколько Жучек, Бимов, Дружков встречалось тебе на дорогах твоей судьбы. Сколько раз ты прошел мимо, торопясь по своим вечным делам, не расслышав мольбы их голодных тоскливых глаз, не почувствовав дрожи их замёрзших одиноких фигурок, не попытавшись помочь, не захотев принять "задание свыше"?

Я верю, что теперь ты обязательно остановишься, не умножишь собачье кладбище еще на одну вину. Ведь если подумать — они такие же, как и мы. Только лучше. Чище, преданней, бескорыстней. Бесхитростные, беззащитные божьи дети, готовые, не помня зла, согреть нас своим теплом.

Будем же человеками в этой собачьей жизни.

Оглавление

Милый пёсик, чёрный носик... ..	5
Тобик и Грэй	6
Тэдди.....	12
Мать и дочь	32
Инвалид	34
Подкидыши	36
Счастливчик.....	38
Карташов	40
Тоша.....	43
Белышка	47
Шкурка.....	53
Дети подземелья.....	59
Бим	65
Дружок.....	67
Микки.....	73
"Мне отпущено этого сверх меры...".....	80
Истории, рассказанные Н. Могуевой.....	83
Послесловие.....	87

Литературно-художественное
издание Кравченко Наталия
Максимовна
Собачья жизнь

Редактор Д. И. Аврутов Лицензия
Э21 (03) ЛА

№ 061447.

Подписано в печать 21.05.99. Формат 70X90¹/32.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Школьная.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 3,0. Тираж 300.
Заказ 1694.

Издательство "Надежда-Саратов", ул. Мясницкая,
д. 3.

Государственное унитарное предприятие ордена
Трудового Красного Знамени полиграфический
комбинат Государственного комитета Российской
Федерации по печати. 410004, Саратов, ул.
Чернышевского, 59.